

Образ преподобного Сергия Радонежского на полотнах М.В. Нестерова (к 150-летию со дня рождения художника)

31 мая 2012 г.

Федорец А. И.

Первой значительной картиной, свидетельствующей о самобытности таланта М.В. Нестерова, был «Пустынник», написанный художником в 1888-1889 годах. Анна Федорец проводит параллель между этим полотном и известнейшей картиной «Видение отроку Варфоломею», которую сам художник считал своим лучшим произведением. Но почему именно ее так любил мастер, ведь за свою жизнь он создал множество прекрасных картин? Публикация приурочена к 150-летию со дня рождения художника.

Абрамцево. Под этим поэтическим названием скрывается поистине зачарованное место. Старинная барская усадьба, взятая в кольцо вековыми деревьями и пологими холмами, склоны которых густо поросли кустарником. Сказочные деревянные домики с фигурными коньками и наличниками в русском стиле, будто детской рукой разбросанные в живописном беспорядке. Чудесная белокаменная церковка с нарядными цветными изразцами и затейливой резьбой по фасаду, словно вышедшая из туманных времен Владимирской Руси...

А дальше, сколько хватает глаз, тянется какой-то очень русский пейзаж. Пейзаж, вынесенный за пределы времени: его чарующая красота существует сейчас – и она же существовала сто, двести, триста лет назад. Светлые леса со стройными березками и пылкой рябью рябин. Тёмные еловые чащобы, то и дело уступающие место солнечным полянам, перелескам, овражкам. Озерца с прозрачной водой, затейливые речушки и ручейки. Подернутые ряской болотца, на памяти которых и непроходимое медвежье царство, и первые деревянные храмы, и святой благоверный князь Дмитрий Донской, едущий за благословением на защиту земли Русской.

Абрамцево – одно из тех мест, где с особой силой чувствуется связь между человеком и Богом, между мирским и божественным. Отсюда рукой подать до Троицкой обители на горе Маковец, где святой преподобный Сергий Радонежский жил в непрестанных молитвах и трудах, откуда выросло, век за веком, великолепие Лавры.

У художника, попавшего в окрестности Абрамцева, открывается внутреннее, духовное зрение, позволяющее не только увидеть, что происходит сейчас, но и постичь то, что происходило на этой земле столетия назад. Конечно, от того, кто хочет душою увидеть события давних дней, требуются немалые усилия: умственные, духовные, душевные... Он должен вглядываться в глубь веков очами сердца, должен, созерцая природу, суметь заглянуть и в собственную душу. Тогда полученный результат вознаградит его за все творческие усилия. Так было с Виктором и Аполлинарием Васнецовыми, Василием Поленовым и многими другими живописцами, попадавшими в Абрамцево. Так случилось и с Михаилом Васильевичем Нестеровым. Для него Абрамцево стало животворным источником творческой силы и вдохновения, к которому художник принимал, берясь за работу над очередным творением.

К святому преподобному Сергию Радонежскому (до пострижения – Варфоломею) Михаил Васильевич относился так бережно и любовно, как, пожалуй, ни к одному другому русскому святому. Для него Радонежский чудотворец стал живой драгоценностью. Тепло, ею рожденное, следовало бережно извлечь из потаенных недр души и подарить людям.

Все помнят нестеровское «Видение отроку Варфоломею». На картине запечатлен один из ключевых эпизодов жития преподобного Сергия – его встреча с черноризцем, предсказавшим великую будущность святого. Эта картина – быть может, лучшая из всех вещей Нестерова. На ней художник в полной мере отразил собственное христианское чувство, свою живую веру. Но мало кто знает: это полотно, безусловно, ярчайшее, не было единственным в своем роде. На протяжении многих лет Нестеров упорно стремился воссоздать облик преподобного, постичь все грани его святости, самую суть его молитвенного делания, преобразившего Русь, – и выразить при помощи красок то, что невозможно передать словами. В результате художник создал целую серию картин, посвященных Радонежскому чудотворцу.

В 1888 году Нестеров, еще молодой, ищущий собственный путь художник, впервые посещает лесную страну близ Абрамцева. Позже он станет возвращаться сюда снова и снова. Именно здесь, на берегах затейливой речки с красивым именем Воря, художник наконец найдет свое призвание.

Первую славу Нестерову принесли две картины – «Пустынник» (1889) и знаменитое «Видение отроку Варфоломею» (1890). Оба полотна написаны под влиянием абрамцевских пейзажей. Оба были приобретены крупнейшим коллекционером русской живописи П.М. Третьяковым. Вместе с тем, судьба у этих картин разная.

«Пустынника» хорошо приняли и молодые художники, и старые мастера-передвижники, и даже пресса. А вот «Видение отроку Варфоломею» вызвало среди современников Михаила Васильевича яростные споры. Полотно подверглось нападкам со стороны таких корифеев передвижничества, как художник Г.Г. Мясоедов и художественный критик В.В. Стасов.

Разница между двумя картинами, написанными с промежутком в один год, сильна, но не очевидна современному зрителю. В чем же она состояла?

Чтобы понять это, следует со вниманием приглядеться к картинам.

Нестеровский «Пустынник» написан предельно просто и реалистично. Скупой серенький свет. Узкая полоса низкого, набухшего от сырости неба над буровато-серым лесом, над гладким свинцом озерных вод. Первый снег, зацепившийся за жёсткую щетину жухнувшей травы. Одинокая молодая ёлочка на переднем плане. И – две жгуче-красных рябиновых грозди, словно подчеркивающих холодную невзрачность красок поздней осени. Нестеров вывел на полотне типичный, ничем не приукрашенный пейзаж средней полосы России. Каким контрастом на этом унылом фоне смотрится фигура старца! Краски те же: серый, бурый, черный. Но какое внутреннее сияние исходит от лица отшельника, какой теплой улыбкой озарено его доброе лицо, как светится приглушенное золото его бороды, лежащей на простой черной рясе!

Художник «нащупал» ту единственно верную грань между реальностью и мистикой, которую могли простить ему старшие коллеги-передвижники. Всё, что изображено на картине, – реально. Такие пейзажи, таких стариков, казалось, можно было случайно встретить в любом уголке России-матушки. Лишь то, что прячется между «строками» нестеровского послания – особое, торжественно-радостное *настроение*, разлитое по всей картине, – выдает христианский посыл художника. Да еще глаза старца, говорящие о внутренней работе души, – глаза, смотрящие и видящие нездешние предметы, – свидетельствуют о крепкой связи пустытника с Богом. Товарищи и коллеги Нестерова, ярко выраженные реалисты, подобное принять могли.

Не таков «отрок Варфоломей». Вроде бы те же любопытные ёлочки выглядывают из лиственного леса. Вроде бы то же белёсое небо – только не низкое и тяжелое, а высокое, лишенное малейшего намека на дождь – широкой полосой покоится над землей. Но э то уже не тот скорбный русский пейзаж, который так часто можно увидеть в ненастное время года. Золото и багрянец ранней осени явственно проступают на полотне. Но лето еще не сдает своих позиций, еще радуется зелены, еще расшивает золотое убранство луга мелкими голубыми и желтыми цветами. Широким охристым прямоугольником лежит на заднем плане поле. Вдоль неугомонной змейки серебристой реки, повторяя ее затейливые изгибы, тянется дорога. Природа замерла в ожидании чуда... и это чудо происходит на глазах у зрителя.

Апологеты передвижничества обсуждали между собой «Видение отроку Варфоломею». Они говорили, что нестеровское полотно «...подрывает те “рационалистические” устои, которые с таким успехом укреплялись правоверными передвижниками много лет». Картину обвиняли в тяжких грехах. «Вредный мистицизм, отсутствие реального, этот нелепый круг (нимб) вокруг головы старика... Круг написан, так сказать, в фас, тогда как сама голова поставлена в профиль». Сторонники реалистического направления в живописи картину «признали... вредной, даже опасной». И дело не в одном только «неверно» изображенном нимбе.

«Пустынник» – это изображение земного, тленного мира. «Варфоломей» же – отражение мира небесного. Высшая, мистическая реальность прорывается в мир земной, наполняет его до краев, преображает зрителя, делая его чище и совершеннее.

«Видение отроку Варфоломею» – больше чем картина. Это полотно тёплое, нарядное, глубоко

символичное... как икона допетровских времен.

На картине нет ничего случайного, ничего лишнего. Всё, что здесь изображено, имеет мощный мистический подтекст. Нарядная деревянная церковка на заднем плане – это приходской храм, в котором преподобный Сергей трижды возвестил свое будущее появление на свет, и одновременно – это прообраз будущей Лавры. Извилистая тропа – дорога, по которой он придет к храму. Могучий, раскидистый дуб – будущее, которое ожидает Варфоломея: сам Сергей, его многочисленные ученики и последователи преобразят устои русского монашества. Как это похоже на традиции иконописи – изображать на одной доске события прошлого, настоящего и будущего в столь тесном единстве, будто происходят они в один и тот же миг! Приближает картину к иконе и выбранная художником цветовая палитра. Охристо-желтый и нарядный багряный, голубовато-зеленый и богатый золотой в сочетании с беловато-бежевым фоном и коричнево-черным акцентом. Это нарядное сочетание красок было одним из излюбленных у древнерусских иконописцев. И оно ох как отличается от привычного вседневного колорита Северо-Восточной Руси!

Столь вольного обращения с реальностью собратья-передвижники Михаилу Васильевичу простить не смогли.

По сути, Нестеров передал на полотне эпизод из жития преподобного Сергея. Передал, не пожертвовав ни единой деталью. Вековой дуб посреди поляны. Инок, достающий просфору. Варфоломей, юная душа которого томится в ожидании неведомого чуда. И в то же время... так гармонично, так красочно это послание, будто сама природа вызвалась передать его в наш мир. Не словами жития, но эмоцией, прекрасным, преображенным состоянием родной природы художник сумел передать на полотне миг совершающегося чуда. Мгновение, когда божественный и земной миры соприкасаются, превращаясь в единое целое. То, на что в «Пустыннике» художник лишь намекает, в «Варфоломее» сказано напрямую.

«Пустынник» стал важной ступенью в творчестве Нестерова. Поднявшись на нее и прикинув духовным зрением к окну в горный мир, художник сумел написать «Варфоломея» – заглянуть так высоко, как никогда ему больше не удавалось. Нестеров создал шедевр, подлинное значение которого поняли весьма немногие его современники.

Не сразу осознал масштаб своего творения и сам художник. Снова и снова старался он превзойти «Варфоломея» или хотя бы написать нечто равное по силе, но это ему так и не удалось.

Так, на протяжении всех 1890-х годов художник работает над полотнами «Сергиевского цикла». Пишет картину «Юность Преподобного Сергея» (1897), триптих «Труды Преподобного Сергея» (1897), полотно «Преподобный Сергей» (1898), эскизы к большой картине «Прощание Преподобного Сергея с князем Дмитрием Донским» (1898-1899). В 1899 году на Савву Мамонтова, хозяина Абрамцева, обрушивается несчастье: финансовый крах и арест. Это событие отдаляет Нестерова от абрамцевских просторов, от мира сказочной русской природы, а вместе с ними – и от Сергея. Масштабное полотно «Прощание Преподобного Сергея с князем Дмитрием Донским», к которому уже было создано несколько эскизов, художник так и оставляет неоконченным. Но личность святого продолжает занимать ум живописца. Так, уже при большевиках, в 1926 году, появляется новое полотно цикла – «Христос, благословляющий отрока Варфоломея». Однако Нестеров остро чувствует: рядом с самой первой картиной цикла все они серьезно проигрывают.

Каждое из «сергиевских» полотен, появившихся на свет после «Видения отроку Варфоломею», написано добротнo и основательно. Все-таки Нестеров был настоящий мастер своего дела. Но – мастер, пошедший у своей эпохи на поводу и отказавшийся от дарованного ему прозрения. Это хорошо видно на примере триптиха «Труды Преподобного Сергея». Протоптанная в снегу тропинка, курящийся над избами дымок, окраина смешанного леса. Разлитый в воздухе блаженный покой, не зависящий от смены времен года. Как и в «Пустыннике», фоном для трудов святого здесь служит привычный русский пейзаж.

Первое слово, которое хочется применить к картинам – публицистичность. Это попытка образованного и тонко чувствующего художника подстроиться под понимание «простого человека». Под каждым из «Трудов» можно написать несколько слов, в которых исчерпается все содержание картины. Вот Сергей носит воду, вот рубит избу, а там просто стоит, задумавшись о чем-то; подвиг физический он неизменно сочетает с подвигом молитвенным и... всё. Каждое из трех полотен без труда может быть «рассказано»,

оно понятно неискушенному зрителю, и в то же время эта внешняя простота лишает картины острой силы «видения», проникающего в самую душу. В «Трудах», равно как и в других полотнах цикла, нет того живого чувства единения двух миров, которое есть в «Варфоломее». *В них нет чуда.*

«Видение отроку Варфоломею» не зря считается едва ли не лучшим из произведений Нестерова. Картина *настоящая*, она словно дышит, на нее замороженно смотришь и не можешь сформулировать словами всю глубину смыслов, в ней сокрытых. Слова лишь выхватывают то тут кусочек, то там – а всей полноты объять не могут. Да и не нужны тут слова, без них всё понятно – картина сама вливается в душу.

На протяжении долгих лет жизни Нестеров сумел в полной мере реализовать полученный от Бога живописный дар. «Пустынник» стал первым, еще робким шагом Михаила Васильевича по выбранному им для себя пути: изображения живой связи, соединяющей человека и Бога. Первой попыткой нащупать в своей душе что-то важное – и передать на полотне ощущения от увиденного. Двигаясь по этому пути, художник встречал постоянное сопротивление – как внешнее, так и внутреннее. Художнику мешало собственное образование, вернее – те штампы, которые он приобрел на студенческой скамье наряду с необходимыми навыками. Излишек знаний сковывал его творческий порыв, мешал передать на полотне интуитивно прочувствованную грань между реальностью и христианской мистикой. Наконец, самая среда, в которой бытовал художник – отрицательное отношение коллег-реалистов, непонимание со стороны коллекционеров, неготовность общества принять картину – нередко препятствовала реализации живописных замыслов.

Когда Нестеров нашел в себе силы преодолеть сопротивление среды, подчиниться божественной интуиции и показать на полотне чудо – ему удалось создать шедевр. Впоследствии художник пошел на поводу у эпохи. Создавая полотна «Сергиевского цикла», Нестеров попробовал примирить два варианта – чудесный и реалистический, «Варфоломея» и «Пустынника». В итоге ему не удалось в полной мере ни то, ни другое. Нестеров-публицист, Нестеров-проповедник так и не сумел подняться до высот Нестерова-художника от Бога.

[Культурология](#), [Искусствоведение](#)

Ключевые слова:

[Культура](#)

См.также:

[Тимур Кибиров: «Я просто не вижу смысла писать иначе»](#)

[11-я Всероссийская ежегодная конференция «Бог. Человек. Мир.»](#)

[Международная конференция: "Богословские перспективы современной культуры".](#)

[A Silent Action: Engagements with Thomas Merton](#)

[Дополнительность и проблемы современного диалога науки и богословия](#)

[Христианский культ и светская культура](#)

[Роль религии в системе культуры и проблема мультикультурного общества в теологии В. Панненберга](#)

Портал [Богослов.Ru](#)

АНО "ЦИТ МДА".

Смотрите канал портала на [YouTube!](#)

Все права защищены 2007-2013. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-46659 от 22.09.2011

При копировании материалов с сайта ссылка обязательна в формате:

Источник: [Портал Богослов.Ru](http://bogoslov.ru/).

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция открыта к сотрудничеству и готова обсудить предложения.

